

Фонд научных исследований истории и культуры стран Европы
«Европейское наследие»

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки России от 19.02.2010 г. журнал для ученых «Клио» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

ISSN 2070-9773

Подписка на журнал «Клио» осуществляется по каталогу «Роспечати». Индекс 14243
Резюме всех статей журнала «Клио» включены в International Bibliography of the Social Sciences (www.ibss.ac.uk)

Журнал «Клио» представлен в Научной электронной библиотеке (НЭБ), реализующей проект Министерства образования и науки РФ «Разработка системы статистического анализа российской науки на основе данных российского индекса научного цитирования (РИНЦ)»

К Л И О

Журнал для ученых № 12 (84)

Решением президиума Афро-Евразийской академии естественных наук от 11.11.2011
Издательство «ПОЛТОРАК» награждено специальным дипломом
за вклад в популяризацию науки и сохранения культурного наследия Человечества

ИЗДАТЕЛЬСТВО
« ПОЛТОРАК »

2013

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
<http://history.museums.spbu.ru/>

Главный редактор

С. Н. Полторак, доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия

А. И. Аврус, доктор исторических наук, профессор (Саратов)
А. П. Богданов, доктор исторических наук (Москва)
А. Ф. Бондаренко, доктор исторических наук (Москва)
Й. Бэкман, доктор общественно-политических наук, доцент (Хельсинки, Финляндия)
Ю. С. Васильев, академик РАН (Санкт-Петербург)
В. Н. Воронов, доктор исторических наук, профессор (Москва)
Б. Д. Гальперина, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
Р. Ш. Ганелин, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)
В. И. Голдин, доктор исторических наук, профессор (Архангельск)
Л. Е. Горизонтов, доктор исторических наук (Москва)
А. Ю. Дворниченко, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
Д. Дейли, доктор исторических наук, профессор (Чикаго, США)
М. В. Ежов, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
А. Н. Еремеева, доктор исторических наук, профессор (Краснодар)
С. С. Загребин, доктор исторических наук, профессор (Челябинск)
В. А. Золотарёв, доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор (Москва)
В. С. Измозик, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
(заместитель главного редактора)
С. Н. Иконникова, доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург)
Г. М. Ипполитов, доктор исторических наук, профессор (Самара)
А. Кан, доктор исторических наук, профессор (Стокгольм, Швеция)
А. Н. Кашеваров, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
(ответственный секретарь)
С. Г. Кащенко, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
А. Ф. Киселев, доктор исторических наук, профессор (Москва)
Ф.-К. Кокен, доктор исторических наук, профессор (Париж, Франция)
Ш. Кройцберггер, доктор исторических наук, профессор (Потсдам, Германия)
И. В. Кулцова, доктор исторических наук, профессор (Москва)
А. В. Лосик, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
(заместитель главного редактора)
С.Ю. Малышева, доктор исторических наук, профессор (Казань)
И. П. Медведев, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)
С. С. Минц, доктор исторических наук, профессор (Краснодар)
Г. В. Михеева, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург)
Т. А. Невская, доктор исторических наук, профессор (Ставрополь)
В. В. Носков, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
Е. Н. Носов, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)
В. Н. Плешков, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
П. А. Подболотов, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
А. А. Попов, доктор исторических наук, профессор (Сыктывкар)
А. И. Репинецкий, доктор исторических наук, профессор (Самара)
О. А. Ржешевский, доктор исторических наук, профессор (Москва)
Ю. В. Рубцов, доктор исторических наук, профессор (Москва)
Е. И. Самарцева, доктор исторических наук, профессор (Тула)
Е. С. Сеняевская, доктор исторических наук (Москва)
Г. В. Серебрянская, доктор исторических наук, профессор (Нижний Новгород)
Т. И. Сидненко, доктор исторических наук, доцент (Санкт-Петербург)
Ю. Н. Солонин, доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург)
В. Е. Триодин, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург)
А. А. Чернобаев, доктор исторических наук, профессор (Москва)
И. В. Яблочкина, доктор исторических наук, профессор (Москва)

Журнал основан и зарегистрирован 9 июля 1996 г.

Свидетельство о регистрации № П-2045. Выдано Северо-Западным региональным управлением Комитета Российской Федерации по печати (Санкт-Петербург)

Учредитель журнала С.Н. Полторак

Подписка на журнал «Клио» осуществляется по каталогу «Роспечать». Индекс 14243

Адрес редакции: Санкт-Петербург, Гражданский пр., д. 11, офис 300.

Тел.: (812) 534-28-28; (812) 335-31-00 (*4224)

Почтовый адрес редакции: 195220, Россия, Санкт-Петербург. ООО «Полторак». До востребования.

E-mail: nestorklio@mail.ru;

Официальный сайт: <http://clioscience.com/>. Электронный адрес научного периодического издания в Интернете: <http://elibrary.ru/issues/asp?id=2764>

ISSN 2070-9773

«Клио», 2013

Авторы публикаций, 2013

Перепечатка допускается с согласия редакции журнала «Клио» Санкт-Петербургского университета

в виртуальном пространстве
<http://history.museums.spbu.ru/>

Редакция журнала принимает к рассмотрению рукописи в одном экземпляре объемом до 1,5 печатного листа (электронная версия обязательна). Сноски располагать в конце текста в соответствии с библиографическими требованиями ГОСТа. С текстом статьи необходимо предоставлять аннотацию (500 знаков), ключевые слова (5–6 слов), фотографию и один экземпляр внешнего отзыва заверенного печатью. Внешний отзыв рекомендуется отправить по почте России.

Сведения об авторе должны включать: фамилию, имя и отчество полностью; образование с указанием законченного учебного заведения; должность и место работы; ученую степень и звание; почтовый индекс, домашний адрес, телефон, E-mail.

В случае отсутствия у автора адреса электронной почты или номера телефона редакция журнала для ученых «Клио» указывает свои контакты и берет на себя ответственность за связь читателей с автором публикации.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Порядок рецензирования рукописей авторов, представленных в редакцию журнала для ученых «Клио»

1. Все поступающие статьи проходят предварительную экспертизу главного редактора журнала «Клио».
2. Главный редактор распределяет поступившие в редакцию материалы для углубленной экспертизы членами редколлегии. Статьи авторов передаются на экспертизу с учетом сферы научных интересов, исторической специальности авторов материалов и членов редколлегии.
3. По итогам экспертизы каждый член редколлегии представляет главному редактору письменное заключение объемом 1800–3000 печатных знаков.
4. В случае отрицательной рецензии ее текст отсылается автору с пожеланиями доработки или переработки текста статьи.
5. При положительной письменной рецензии члена редколлегии статья направляется для дополнительной экспертизы ко второму эксперту – специалисту по проблематике, исследуемой в статье.
6. В случае отрицательного письменного отзыва второго эксперта статья направляется автору на доработку или переработку.
7. В случае положительного отзыва второго эксперта статья выносится на обсуждение членов редколлегии, которые на своем заседании принимают окончательное решение о публикации.
8. Главный редактор журнала лично решает, в каком из номеров «Клио» будет опубликована статья, о чем редакция уведомляет автора.

Примечание:

Заседание членов редколлегии журнала для ученых «Клио» проводится 1 раз в 2 месяца. Дата заседания определяется по согласованию с членами редколлегии. Проезд иногородних членов редколлегии к месту проведения заседания и обратно оплачивается за счет редакции журнала.

Допускается заочное участие в заседании посредством общения в режиме on-line или посредством переписки по электронной почте.

ЖУРНАЛ «КЛИО» ВЫПИСЫВАЮТ:

Барнаул	Омск
Владимир	Оренбург
Волгоград	Провидения
Воронеж	Псков
Екатеринбург	Ростов-на-Дону
Иваново	Самара
Иркутск	Санкт-Петербург
Калуга	Саратов
Кандалакша	Серпухов
Кемерово	Стерлитамак
Киров	Ступино
Кострома	Сыктывкар
Краснодар	Тамбов
Красноярск	Тверь
Курск	Томск
Магадан	Тура
Минусинск	Уфа
Москва	Уяр
Мурманск	Челябинск
Нижнекамск	Черкесск
Нижний Новгород	Шебекино
Новосибирск	Южно-Сахалинск
Норильск	Ярославль

The editorial staff of «Klio» would appreciate cooperation with foreign partners interested in distribution of the magazine in their countries. Please contact us by E-mail: poltorak2006@yandex.ru; nestorklio@mail.ru <http://clioscience.com/>

We are convinced that this magazine has an enormous potential which would make an interesting business for the cooperating partner regarding the sale of subscriptions as well as free sales.

**История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
<http://history.museums.spbu.ru/>**

СОДЕРЖАНИЕ

при поддержке

Российского гуманитарного научного фонда

грант № 13-01-14011

Скворцов Н.Г. (Санкт-Петербург). Академик Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: к 150-летию юбилею..... 3

А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ И ЕГО НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

Батурич Ю.М. (Москва). Методология построения исторической причинно-следственной связи А.С. Лаппо-Данилевского и ее значение для других наук	5
Берус В.В. (Барнаул). А.С. Лаппо-Данилевский о субъективности и великой индивидуальности	8
Ветохина В.А. (Кривой Рог). Метод сравнительно-исторического исследования в теоретико-познавательной концепции А.С. Лаппо-Данилевского	9
Гурская Н.В. (Тольятти). История культуры и культурологические концепции в историко-философских трудах А.С. Лаппо-Данилевского	10
Дорошенко Н.М. (Санкт-Петербург). Методология истории А.С. Лаппо-Данилевского в системе российской философии истории	13
Комочев Н.А. (Москва). Методика дипломатического анализа в трудах школы А.С. Лаппо-Данилевского	16
Приймак Н.И. (Санкт-Петербург). Понятие «исторический источник» в методологии истории А.С. Лаппо-Данилевского	19
Ростовцев Е.А., Потехина И.П. (Санкт-Петербург). А.С. Лаппо-Данилевский в современном научно-информационном пространстве	23
Румянцева М.Ф. (Москва). Рецепция методологической концепции А.С. Лаппо-Данилевского в научно-педагогической школе источниковедения – сайт Источниковедение.ru.	28
Тихонова В.Б. (Санкт-Петербург). Работы А.С. Лаппо-Данилевского в контексте исторической антропологии	31
Трапш Н.А. (Ростов-на-Дону). Источники смешанного характера» в теоретической концепции А.С. Лаппо-Данилевского и исследовательской практике современного историка: опыт творческой интерпретации	34
Цамутали А.Н. (Санкт-Петербург). А.С. Лаппо-Данилевский в кругу историков-современников	37
Чернобаев А.А. (Москва). А.С. Лаппо-Данилевский в новейшей российской историографии	40

А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ И ЕГО ЭПОХА

Алеврас Н.Н., Гришина Н.В. (Челябинск). Уроки учителя: идеи А.С. Лаппо-Данилевского в творческих судьбах учеников	46
Илизаров С.С. (Москва). Историк науки Т.И. Райнов – ученик А.С. Лаппо-Данилевского	50
Афиани В.Ю. (Москва). А.С. Лаппо-Данилевский и В.И. Вернадский: стремление к генерализации прошлого.....	55
Басаргина Е.Ю. (Санкт-Петербург). А.С. Лаппо-Данилевский – почетный доктор права Кембриджского университета	57
Гришин К.П. (Брянск). Личные и научные взаимоотношения академиков А.С. Лаппо-Данилевского и М.А. Дьяконова	60
Демяновский Н.А. (Санкт-Петербург). Лаппо-Данилевский и издание «Мемуаров короля Станислава Августа»	64
Долгова Е.А. (Москва). Документы о деятельности Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского (1916–1923)	67
Зонова Н.С. (Санкт-Петербург). А.С. Лаппо-Данилевский и делегации российских ученых на международных конгрессах исторических наук начала XX в.	71
Киреева Р.А. (Москва). А.С. Лаппо-Данилевский о русской историографии	73
Корзун В.П. (Омск). А.С. Лаппо-Данилевский: первые опыты интеллектуальной истории в российской гуманитаристике	77
Лаппо-Данилевский К.Ю. (Санкт-Петербург). Семья Лаппо-Данилевского: истоки и традиции.....	83
Малинов А.В. (Санкт-Петербург). А.С. Лаппо-Данилевский – организатор социологической науки в России.....	102
Сидорчук И.В. (Санкт-Петербург). Аполитичность А.С. Лаппо-Данилевского в контексте изучения его научного наследия	105
Рамазанов С.П. (Волгоград). Гносеологические и социальные контексты методологических исканий А.С. Лаппо-Данилевского»	108
Ратьковский И.С. (Санкт-Петербург). Перекрестки судеб: А.С. Лаппо-Данилевский, С.Ф. Платонов и Д.Б. Рязанов в 1918 г.	112
Тихонов И.Л. (Санкт-Петербург). А.С. Лаппо-Данилевский и археология	115
Трибунский П.А. (Москва). А.С. Лаппо-Данилевский в воспоминаниях В.Г. Дружинина	120

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

Адоньева И.Г. (Новосибирск). «Французский элемент» историко-правового дискурса журнала «Русский вестник» в 1856–1862 гг.	127
Воробьева Н.Н. (Санкт-Петербург). Церковно-историческая наука в России на рубеже XIX–XX веков: проблемы истории раннего христианства и поиск самоидентичности	129
Воскресенская М.А. (Санкт-Петербург). Историософия Серебряного века	132
Дворниченко А.Ю. (Санкт-Петербург). From US with love and care: феномен Георгия Вернадского	135
Дроснева Э. (София, Болгария). Санкт-Петербургские вехи болгаро-российского общения историков XIX–XXI вв.	138
Исаев Д.П. (Ростов-на-Дону). Источниковедение культуры, или Феноменологический метод в современной российской историографии	142
Кривошеев Ю.В. (Санкт-Петербург). К государственным и общественно-политическим взглядам М.К. Любавского	145
Мининкова Л.В. (Ростов-на-Дону). В.О. Ключевский о Земском соборе 1613 г. в свете теории вотчинного государства	147
Муртузалиев С.И. (Москва). Зарождение российской историографии «болгаристики османского периода (XV – середина XIX в.)	150
Поляков И.А. (Санкт-Петербург). С.Б. Веселовский и его наследие в коммеморациях историографии и памяти общества	153
Синельников Д.П. (Санкт-Петербург). Повторение непройденного: уроки русских историков-неокантианцев	158
Сиренов А.В. (Санкт-Петербург). Петербургский историк Алексей Федорович Малов	161

ИЛЬЯ ВИКТОРОВИЧ СИДОРЧУК

кандидат исторических наук, ассистент кафедры «История» Института гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; научный сотрудник исторического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург)
Тел.: 8 (921) 341-12-42; E-mail: chubber@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению влияния политических взглядов А.С. Лаппо-Данилевского на успех его научной и административной деятельности. Автор анализирует достижения ученого в области междисциплинарных исследований в контексте общего хода развития гуманитаристики и характерных особенностей субкультуры ученого сообщества рубежа XIX–XX вв.

Ключевые слова: А.С. Лаппо-Данилевский, научное сообщество рубежа XIX–XX вв., методология истории, история социологии в России, междисциплинарные исследования.

АПОЛИТИЧНОСТЬ А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ЕГО НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ*

Для научного гуманитарного сообщества всегда было важно поддержание корпоративной памяти. Отсюда его неизменный интерес к истории развития научного знания. Особенно это характерно для профессиональных историков, ведь само их мышление не допускает угасания интереса к своим предшественникам-учителям. Одной из таких почитаемых фигур по праву является А.С. Лаппо-Данилевский. Одновременно до сих пор нельзя говорить о достаточной изученности как его научного наследия, так и его личности.

В частности, в сферу внимания специалистов редко попадают вопросы о причинах недостаточного раскрытия при жизни его научных и административных талантов, сравнительной немногочисленности научного наследия, долгого периода забвения после смерти, сложного пути признания его теорий, отсутствия достойного внимания к нему самому и к его творчеству вне немногочисленной части ученого сообщества. Речь, прежде всего, идет о междисциплинарных исследованиях, интерес к которым был чрезвычайно характерен для русской науки рубежа веков¹ и стал со временем явно доминировать в творчестве Лаппо-Данилевского.

Известно, что ученый не просто увлекался философией, социологией, психологией, а стремился совершить подлинный методологический переворот в науке. В 1891 г. он писал: «Претензии у меня большие, хочется быть не только простым добросовестным исследователем, но и ученым в высоком значении этого слова, ученым, который дает новое освещение не только некоторым подробностям науки, но и основным принципам науки»². Надо отметить, что шансы сделать это у него были. Историк второй половины XIX в., И.В. Лучицкий, отмечал справедливость характеристики XIX столетия как века «выработки социологии, социальной науки»³. Общественные науки в целом нуждались в новых идеях и новых героях. Еще в 1869 г. один из первых отечественных социологов, А.И. Стронин в работе «История и метод» писал о том, что «... мы переживаем относительно наук общественных тот момент в каком жил Бэкон по отношению к естественным: у нас есть уже и Колумб, и Галилей, и Коперник социализма, вокруг нас кипит уже водоворот новой жизни, прокладывая и новые для себя дороги, и нам остается только угадать это течение, чтобы потом шире и свободнее расчистить для него пути его; нам нужен Бэкон обществоведения»⁴. Ум, талант и трудолюбие Лаппо-Данилевского позволяли добиться этого, однако, к сожалению, этого не произошло. Современные исследователи творчества ученого не столько воссоздают его образ, сколько создают новый, возрождая или открывая его труды, и тем самым волей-неволей повышают степень его прижизненного признания и почитания. Как отметил А.Н. Цамутали, «далеко не все из того, над чем он начал работать, а тем более из того, что было в его замыслах, нашло воплощение в опубликованных книгах,

статьях, рецензиях»⁵. В большинстве случаев именно с замыслами и приходится иметь дело исследователям его наследия. Не стоит забывать, что даже спустя более 80 лет после смерти ученого «более двух третей созданного им за годы научной деятельности еще не издано»⁶. Наиболее полное издание первой части его важнейшей работы – «Методологии истории» было подготовлено только после смерти самого ученого А.И. Андреевым, другая ключевая работа, «История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв.», увидела свет лишь в 1990 г.

Подобную ситуацию можно объяснить особенностями личности ученого: любовью к кабинетному затворничеству, перфекционизмом, отсутствием должной харизмы, независимостью, стремлением к обособленности и замкнутости. На наш взгляд, к этим причинам можно добавить еще одну, не менее важную. Речь идет об аполитичности ученого, под которой мы подразумеваем не безразличное отношение к общественной жизни и политической деятельности, а его сознательную отстраненность от политики, политиканства и участия в социально-политических потрясениях, современником которых он являлся. Это был сознательный выбор человека, имеющего твердые морально-нравственные принципы и социальные убеждения.

Отсутствие интереса к политической деятельности (но не к политической жизни) отмечали многие его коллеги. В своих воспоминаниях об ученом они останавливались на этом, описывая его деятельность в Государственном совете. Так, не только его коллега, но и друг, С.Ф. Ольденбург отмечал: «А.С. не был политиком; по характеру своему человек не гибкий и прямой, он считал, что в обстановке, тогда царившей в Государственном Совете, он только даром теряет дорогое время, которое должно быть им с гораздо большей пользой употреблено на научную работу, и покинул Государственный Совет»⁷. И.М. Гревс понимал политическую деятельность Лаппо-Данилевского как определенный долг перед обществом и страной, на который ученый соглашался буквально ломая себя: «Он, однако, не терпевший политики, считал долгом отдавать дань служения родине и народу, которых он всегда любил и почитал. Скрепя сердце, он принял избрание в Государственный Совет во время Первой Думы»⁸. О том, что Лаппо-Данилевский тяготился политической деятельностью, писал и хорошо знавший его А.Е. Пресняков⁹.

Еще во времена учебы в университете он, в отличие от большинства студентов, предпочитал науку политике и не симпатизировал революционному движению. В частности, он участвовал в студенческом Научно-литературном обществе, которое, по воспоминаниям И.М. Гревса противопоставляло научную работу «карьеризму», «преждевременному политиканству и революционерству»¹⁰, проповедуя «"воздержание" от политики»¹¹. Вскоре в обществе сформировались два неформальных кружка: Ольденбургский кружок (так называемое «Приютинское братство») и Кружок русских историков. Показательно, что «оба кружка отчасти возникли как реакция на стремление политизировать Научно-литературное общество оппозиционно настроенными студентами во главе с А.И. Ульянов-

* Статья подготовлена при поддержке НИР по теме «Российская высшая школа и Петербургский университет в XIX–XX вв.: наука и политика, интеллектуальная элита и власть», мероприятия 2 СПбГУ. Шифр в ИАС НИД СПбГУ 5.38.98.2012.

вым»¹². На протяжении последующих лет ученый также сторонился участия в общественно-политической жизни, которая отнимала драгоценное время, нужное ему для научных изысканий.

Нам представляется, что Александр Сергеевич мог бы вполне сочувственно отнестись к определению слова «политика», приведенному в словаре В.И. Даля и гласящему, в частности, что политик – «умный и ловкий (не всегда честный) государственный деятель; вообще скрытный и хитрый человек, умеющий наклонять дела в свою пользу»¹³. Сам Лаппо-Данилевский с юности не переносил неискренности и словоблудия. В его дневнике можно встретить запись, сделанную в ноябре 1881 г., которая может проиллюстрировать данное утверждение: «Как в глубокую осень холодно и безжизненно смотрит дерево без листьев, которые уносит и кружит бурный ветер, так и речь, которая не истекает прямо из души, которая не служит выражением душевных чувств, лишена всякой прелести и глубины»¹⁴. Разумеется, человек с подобными идеалами просто не мог чувствовать себя уверенно в атмосфере постоянных интриг, споров и сплухов, характерной, в том числе, и для либеральных оппозиционных сил¹⁵, идеология которых была ему близка.

О полном неучастии Лаппо-Данилевского в политической жизни страны говорить, конечно, ни в коем случае нельзя. Наоборот, ее можно признать достаточно плодотворной и насыщенной. Помимо работы ученого в Государственном совете, в начале 1905 г. он составлял записки и доклады по различным актуальным политическим вопросам. После февраля 1917 г. Лаппо-Данилевский работал в комиссиях Временного правительства над законодательством в области охраны памятников. Вместе со своими коллегами по Академии наук он активно выступал против действий пришедших к власти большевиков. Однако показательно, что при этом Лаппо-Данилевский всегда выступал за существование науки вне политики. В частности, он деятельно поддержал идею создания Российского союза ученых учреждений и высших учебных заведений, преследующего цель защиты внепартийных, чисто научных интересов. Также он подчеркивал внепартийность своего нереализованного проекта – Института социальных наук¹⁶. Он был не против студенческих антиправительственных выступлений как способа протеста, но не допускал, чтобы они проходили в стенах университета. Лаппо-Данилевский мог после многолетней паузы написать П.Н. Милюкову письмо¹⁷, в котором спрашивал о возможности и условиях присутствия своего шурина, революционера А.В. Гизетти, на ужине, посвященном 30-летию со дня смерти А.И. Герцена, однако сам подобных мероприятий сторонился.

Но почему же эта аполитичность могла привести к уменьшению роли в научном мире, особенно если речь шла о полидисциплинарных исследованиях?

Как известно, в отечественной историографии зачастую имеет место стремление либо преувеличить, либо приуменьшить степень политической активности и радикальности взглядов того или иного ученого. Того же Лаппо-Данилевского историки советского периода обоснованно причисляли к кадетам или (совершенно необоснованно) к националистам-реакционерам, и в связи с этим давали резко негативную оценку его научному наследию¹⁸. Одновременно о кадетском прошлом В.И. Вернадского, облагодетельствованного советской властью, старались по возможности не упоминать¹⁹. То же можно сказать о меньшевизме Е.В. Тарле. При этом подобная ситуация была характерна как для советского, так и досоветского периода. Востребованность и оценка работ того или иного ученого зачастую напрямую зависели от его политических пристрастий и активности. Например, почитание И.М. Сеченова было напрямую связано с его идеями об экспериментальном, материалистическом, а не религиозно-философском пути развития психологии. Даже чисто научная полемика с ним была чревата для оппонента риском попасть под общественное осуждение, навредить своей репутации. Такая участь постигла извест-

ного физиолога, постоянно проживавшего в Швейцарии, сына А.И. Герцена, А.А. Герцена, далекого от какой бы то ни было политики. Его критика выводов И.М. Сеченова о существовании особых центров торможения имела следствием негативные оценки личности Герцена-младшего как среди современников, так и в последующей историографии дореволюционного и послереволюционного периодов²⁰. Таким образом, чисто научный спор моментально мог приобретать политическую окраску, а популярность взглядов ученого зависела, в том числе, и от его политических пристрастий.

Характерной особенностью научной среды конца XIX – начала XX в. было активное участие в политической жизни страны большого процента ее членов. Внеакадемическая деятельность отечественных ученых носила яркую политическую окраску. Резкий рост активности ученого сообщества стал важным фактором усиления его роли в жизни России. Это проявлялось в росте общественно-просветительской инициативы, борьбе за свое профессиональное дело, участии в политике, претензиях на выполнение неких «морально-пасторских функций» в дополнение к непосредственно научной деятельности с целью повышения своего социального авторитета²¹.

Чрезвычайно высокой была степень политизированности социологии и психологии, к которым обращались в поисках создания методологии и теории человекознания²². Как известно, развитие социологии встретило резкий отпор со стороны государства, которое не без основания усматривало в ней угрозу патриархально-традиционному обществу: отличительным признаком российской социологии начального периода развития являлась нацеленность на практическое воплощение идей, понимание социологии как средства реального преобразования общества²³. Даже к концу XIX в. действовал запрет на ввоз в Россию социологической литературы. Одновременно власти под разными предлогами не допускали социологию в учебные заведения. Эта особенность судьбы социологии в России была, с одной стороны, помехой ее нормальному развитию, а с другой, имела следствием повышенный интерес к себе. Как отмечал И.А. Голосенко, «этикетка «социология», в силу моды, приклеивалась куда попало»²⁴. Это осознавалось и современниками. Первый историк русской социологии, Н.И. Кареев, писал, что «самые слова «социология» и «социологический» все больше и больше делались с восьмидесятых годов популярными, и очень часто появлялись сборники статей, называющиеся «социологическими очерками» или этюдами, хотя название это было употреблено не совсем кстати, ввиду их настоящего содержания»²⁵.

С психологией изначально была иная ситуация – она поддерживалась государством, рассчитывавшим с ее помощью сломать влияние материализма и ослабить роль позитивизма, отрицавшего необходимость психологической науки как метода понимания²⁶. Предполагалось, что психология будет воспитывать религиозное мировоззрение в науке²⁷, и ее преподавание в университетах велось силами преподавателей богословия. С развитием объективной психологии ситуация менялась, о чем, в частности, свидетельствует вышеприведенная история с Герценом-младшим. В любом случае, тенденции развития психологии и ее органического включения в систему гуманитарных наук к концу столетия сохранялись. В 1896 г. педагог и психолог П.Ф. Каптерев отмечал, что психология привлекала все большее внимание представителей всех наук²⁸. Психология завоевывала свои научные позиции в качестве некоего интегрального поля научной деятельности. Также в определенной степени показательным является тот факт, что в это же время появляется работа В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (1909 г.), ставшая в 1930-х гг. в силу определенной политической конъюнктуры догмой для всех отечественных психологов.

Обращаясь к этим наукам, к истории политической мысли, к истории идей Лаппо-Данилевский стремился разделить науку и политику, что, безусловно, убеждает, не могло не сказаться на успешности и популярности его идей

и концепций. Не случайно его младшему современнику Л.П. Карсавину Лаппо-Данилевский виделся представителем старой, оторванной от жизни науки, маргинальным персонажем²⁹, что никак не может ассоциироваться с образом одного из главных представителей чрезвычайно популярного и востребованного обществоведения.

Обратимся, в контексте рассматриваемой нами проблемы, к его современникам, которые также претендуют на то, чтобы считаться лидерами отечественной гуманитаристики рассматриваемого периода. Здесь нельзя не назвать Н.И. Кареева, В.И. Вернадского, М.М. Ковалевского, В.М. Бехтерева, П.А. Сорокина, Н.Я. Марра, С.Ф. Ольденбурга, Е.В. Тарле. По сравнению с ними, А.С. Лаппо-Данилевский был незаметен на политическом поле. Его методологические построения отличались сложностью, что многих отталкивало от них, он не являлся «повелителем умов», не умел добиваться от власти особого расположения и материальных благ. В связи с этим позволим себе не согласиться с О.М. Медушевской, что именно вокруг Лаппо-Данилевского «сформировалось особое наддисциплинарное интеллектуальное поле, в рамках которого находили общий язык представители различных гуманитарных и негуманитарных наук»³⁰. Ученый был одним из идеологов, лидеров этого масштабного движения, но никак не его центром. И объясняется это вовсе не его научными достижениями, которые нельзя признать недостаточными, а именно венаучными факторами. Популярность его коллеги по Петербургскому университету Н.И. Кареева была выше не потому, что его работы по методологии истории были более содержательными и значимыми, а во многом благодаря их идеологической «накачке». Его методология больше соответствовала общественным запросам. Понимал эти запросы и Лаппо-Данилевский, но не желал идти у них на поводу. Этим же отчасти объясняются и его неудачи в создании центров междисциплинарных исследований. Очень символической в этом смысле представляется нам история с провалом реализации в 1918 г. проекта Института социальных наук в системе АН. Как известно, вскоре после этой неудачи

А.С. Лаппо-Данилевский скончался. 27 февраля 1919 г. память ученого почтили члены совета Археологической комиссии, сотрудником которой он являлся. И на этом же заседании более успешный организатор и администратор Н.Я. Марр объявил о возможности создания Академии археологии³¹, ставшей впоследствии одним из ведущих центров развития гуманитарного знания и междисциплинарных исследований³². К этому можно добавить и историю успешной реализации проекта младшего коллеги Лаппо-Данилевского, П.А. Сорокина, который, несмотря на свою бурную политическую деятельность и антибольшевистские взгляды, смог создать и наладить работу Социобиблиологического института³³.

Фигура П.А. Сорокина, которого за смелость и даже некоторую агрессивность мысли, а также критику более старших коллег при желании можно назвать футуристом от науки, в данном случае показательна. Для успеха важна была не какая-либо конкретная политическая позиция – правительственная или антиправительственная, радикальная или консервативная, а активная позиция в принципе. Антиправительственные настроения и пламенные речи В.М. Бехтерева или М.М. Ковалевского не помешали им сделать блестящую карьеру до революции, а антибольшевистские позиции П.А. Сорокина или Н.Я. Марра позволили им в тяжелейший период Гражданской войны организовать два мощных гуманитарных научных центра.

Таким образом, добиться широкого признания в науке было очень сложно при отсутствии должного уровня социально-политической активности, умения заявить о себе вне научного поля. При всем единстве научных устремлений Лаппо-Данилевского с представителями элиты ученого сообщества России рассматриваемого периода, именно в этом между ними была существенная разница. Если большинство его коллег делили свое общественное служение между наукой и политикой, то для А.С. Лаппо-Данилевского последняя сфера была очевидно периферийной.

¹ См.: Долгова Е.А. «Синтез всех высших и конечных результатов гуманитарных наук...»: об интеграционных тенденциях в российском обществоведении первой четверти XX века (опыт образовательных и научных центров) // Исторический журнал: научные исследования. 2011. № 3. С. 16–22.

² Цит. по: Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 89.

³ Лучицкий И.В. Отношение истории к науке об обществе // Знание. 1875. № 1. С. 2.

⁴ Стронин А. История и метод. СПб., 1869. С. 357–358.

⁵ Цамутали А.Н. А.С. Данилевский и его наследие // Историческая наука и методология истории в России XX века: К 140-летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского. СПб., 2003. Вып. 1. С. 9.

⁶ Погодин С.Н. Исторические работы А.С. Лаппо-Данилевского // Там же. С. 95.

⁷ Ольденбург С.Ф. Работа Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского в Академии наук // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 172.

⁸ Гревс И.М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (Опыт истолкования души) // Там же. С. 78.

⁹ См.: Ростовцев Е.А. Указ. соч. С. 198.

¹⁰ Гревс И.М. Указ. соч. С. 59.

¹¹ Малинов А.В., Погодин С.Н. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001. С. 19.

¹² Ростовцев Е.А. Указ. соч. С. 61.

¹³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 2001. Т. 3. П–Р. С. 215.

¹⁴ ОР РНБ Ф. 419. Д. 1. Л. 8.

¹⁵ Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003. С. 46–48, 110, 112–113, 126–128, 132–133 и др.

¹⁶ Лаппо-Данилевский А.С. Об Институте социальных наук. Записка комиссии Российской Академии наук // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 3(68). С. 60.

¹⁷ Трибунский П.А. Переписка А.С. Лаппо-Данилевского и П.Н. Милюкова // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2010. Vol. 3. P. 157–158.

¹⁸ Ростовцев Е.А. Указ. соч. С. 249–250, 252–254. Историк М.М. Цвибаку принадлежат следующие слова, сказанные в 1931 г.: «Поскребите Лаппо-Данилевского – получите Пуришкевича» [Цит. по: Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский – основатель русской школы дипломатики частного акта // Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. СПб., 2007. С. 234].

¹⁹ Гумилевский Л.И. Вернадский. [1863–1945]. М., 1961. (ЖЗЛ. Вып. 11 (325)).

²⁰ Сироткина И.Е. Герцен-отец и Герцен-сын: спор о науке и человеке // Вопросы истории естествознания и техники. 2001. № 4. Вспомогательный публикатор VIVOS VOCO. URL: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/VIET/HERZ.HTM> (Дата обращения: 13.05.2013).

²¹ См.: Сироткина И. Классики и психиатры: Психиатрия в российской культуре конца XIX – начала XX века. М., 2008. С. 8.

²² О социологии в творчестве А.С. Лаппо-Данилевского см.: Малинов А.В., Погодин С.Н. Социология в творчестве А.С. Лаппо-Данилевского // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. II. № 4. С. 33–47. Чрезвычайно интересными являются рассуждения ученого касательно психологии, воспринимавшего ее как науку, которая более других конкретных наук способна играть роль связующего звена между всеми отраслями человекознания. См. также близкое отношение к историческим и социологическим построениям (Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М., 2006. С. 86, 97). Также одним из наиболее интересных документов

в данном контексте представляются план и материалы к лекциям по курсу «Основные принципы обществоведения», читавшегося в Петербургском университете в 1902–1903 уч. г.: Лаппо-Данилевский А.С. О теории обществоведения. План, заметки, выписки из литературы к (курсу лекций) // СПФ АРАН. Ф. 113. Оп.1. Д. 323.

²³ Ермакович Ю.М. Социология в Санкт-Петербургском университете в конце XIX – начале XX века // Официальный сайт факультета социологии СПбГУ. URL: <http://www.soc.spbu.ru/news/artermak.shtml> (Дата обращения: 3.03.2009). В частности, с точки зрения позитивизма русский государственный строй объявлялся лишь «стадией мирового развития государственности», и, следовательно, переходящим состоянием общества, с чем власть, по понятным причинам, не могла согласиться.

²⁴ Голосенко И.А. Социологическая литература России второй половины XIX – нач. XX века. М., 1995. С. 7.

²⁵ Цит. по: Там же. С. 7.

²⁶ Огюст Конт полагал вполне возможным обойтись без психологии. Его последователи, и в первую очередь Спенсер и Милль, придерживались иного мнения, считая, что социология есть продолжение психологии. См.: Кареев Н.И. О значении психологии для общественных наук // Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии. 1912. № 1. С. 78–89.

²⁷ Применительно к религиозно-нравственной роли психологии весьма интересно будет вспомнить героев-психологов из произведений Ф.М. Достоевского: Порфирия Петровича из «Преступления и наказания» и Тихона из «Бесов».

²⁸ Каптерев П.Ф. Психология и наука об обществе // Образование. 1896. № 9. С. 56.

²⁹ Свешников А.В. Образ А.С. Лаппо-Данилевского в творчестве Л.П. Карсавина // Историческая наука и методология истории... С. 312–313.

³⁰ Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. С. 316.

³¹ Платонова Н.И. Российская академия истории материальной культуры. Этапы становления (1918–1919 гг.) // Советская археология. 1989. № 4. С. 9–10.

³² Сидорчук И.В. От триумфа до гротеска: развитие идей междисциплинарного синтеза в гуманитарном знании в России первой трети XX в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2012. Выпуск 7(15) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://mes.igh.ru/s207987840000209-8-1> (дата обращения: 15.10.2013).

³³ См.: Деятельность Социобиблиологического института за первый год его существования и преобразование его в Социологический институт. Пг., 1919.

СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ РАМАЗАНОВ

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, политических и правовых учений Волжского гуманитарного института (филиал) Волгоградского государственного университета (Волгоград)

Тел.: 8 (905) 394-67-68; E-mail: ramasergej@gmail.com

В статье показано воздействие социальной ситуации в России первых лет XX в. на характер методологических поисков А.С. Лаппо-Данилевского. Выявляется обусловленность своеобразия трактовки ученым неокантианской методологии истории традициями развития российской историографии и профессионализмом отечественного методолога.

Ключевые слова: А.С. Лаппо-Данилевский, исторические законы, ценность, оценка, историческое значение, понятие целого.

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ КОНТЕКСТЫ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ИСКАНИЙ А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО

Методологические искания А.С. Лаппо-Данилевского широко разворачиваются в середине нулевых годов XX в., когда с 1905 г. он начинает систематически читать курс методологии истории. Определенным итогом таких исканий явился выход в свет в 1910–1913 гг. его двухтомного труда «Методология истории», название которого дало наименование формирующейся специальной исторической дисциплине. При этом доминирующее воздействие на эти искания оказали идеи баденской школы неокантианства.

До середины нулевых годов XX в. Лаппо-Данилевский прочно стоял на позитивистских позициях, отстаивая идею о направленности исторической науки на установление законов общественного развития. Так, в речи на защите своей магистерской диссертации «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований» в 1890 г. ученый следующим образом определял предмет исторической науки: «Всеобщая история занимается изучением норм общественного развития, общих всему человечеству»¹.

А в 1902 г. в одной из своих работ историк придавал первостепенное значение общим понятиям для уяснения процесса исторического развития². В опубликованной в том же году обширной статье о социологии основоположника позитивизма О. Конта Лаппо-Данилевский отмечал, что философия французского ученого до сих пор еще не утратила своего социально-этического интереса³. По сути дела, в статье о Конте русский историк выступал не

с отрицанием самих законов истории, а только с критикой контовских утверждений о всеобщем значении и постоянстве социальных законов за их необоснованность⁴.

Можно согласиться с Н.И. Кареевым, который замечал, что Лаппо-Данилевский в своей критике Конта осуждал «не научную положительность его стремлений и инициативу основания новой положительной науки, социологии, а то, что первой он не дал прочного обоснования, а ко второму приступил без обоснованных предпосылок»⁵.

Социальные потрясения в России середины первого десятилетия XX в. активизировали политическую деятельность ученого. Он становится членом Государственного Совета от Академии наук, выступает против студенческих забастовок⁶. Вместе с тем такие социальные потрясения, как представляется, оказали свое воздействие на обращение Лаппо-Данилевского к неокантианству с его постулатом о незыблемости абсолютных ценностей.

После 1905 г. меняется оценка Лаппо-Данилевским возможностей реализации обобщающей работы в исторической науке. В «Методологии истории» он уже заявляет, что «законов истории», в строгом смысле слова, никому еще не удалось установить: историкам, стремящимся к открытию их, в лучшем случае приходится довольствоваться гадательными эмпирическими обобщениями»⁷.

Лаппо-Данилевский принял неокантианское понимание предмета истории как «науки о культуре»⁸. Он также в целом разделял неокантианскую классификацию наук. Историк писал: «По теоретико-познавательным точкам зре-